

Мария Аронова

В поисках кочерыжки

Новые Известия. — 2002 — 27 авг. — с. 7.
Самая взрослая из тридцатилетних актрис вживается в образ императрицы Екатерины

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

— Вы ведь уже проходили «Царскую...» в «Щуке». И ставил ее тот же Иванов...

— Да, в 94-м году, на четвертом курсе. Не могу не похвастаться, что это был замечательный спектакль, и я получила за него свою первую серьезную награду — премию Станиславского. Конечно, есть риск дважды заходить в одну и ту же реку. Но из разговоров, которые я вела с Владимиром Владимировичем, я поняла, что это будет категорически иной спектакль, перед нами ставятся совершенно другие задачи. Нельзя не учитывать годы, которые прошли с тех пор. И у меня, и у Ани Дубровской, моей однокурсницы, которая опять будет играть княжну Тараканову, произошло столько событий в жизни... Мы стали взрослыми, так что повторы просто исключены.

— Маша, мне, например, обидно, что такую великолепную актрису можно увидеть всего лишь в трех названиях. А у вас есть претензии к тому, как складывается ваша судьба в Вахтанговском?

— Претензий нет. Я своей судьбой довольна. Для актрисы, которая восемь лет работает в театре, иметь два аншлаговых спектакля, — это очень серьезно. Огромный театр с огромной труппой считает возможным не использовать меня в маленьких ролях и в массовке. За это я категорически благодарна нашему руководству. Я работаю редко, но метко. Вот и сейчас репетирую не последнюю ролюшку. Меня просто балуют.

— Главная роль — это так важно для вас?

— У меня гипертрофированное тщеславие. И честолюбие адское. Слава Богу, они проявляются только в профессии. Мне надо быть первой, надо все делать очень хорошо. Если будет средне, я уйду. А в ролях второго плана я не могу раскрыться. Эпизоды вообще не умею играть.

— Вы сами себя трактуете, как характерную актрису или как драматическую?

— Работая с Ивановым, мне стало интересно двигаться в сторону драмы. До этого у меня просто гвоздь был вбит в голову, что я комедийная, буффонадная, острохарактерная актриса. Я надеюсь, что научусь быть собой. Должна научиться.

— С этим есть проблемы?

— Огромные. Я — многогранна, не интересна в этом. И так странно: ведь в жизни я — море, в жизни я разная. Почему на сцене у меня вдруг — раз, и пересыхают баночки, из которых я могла бы доставать краски?

— Но ведь Мария Александровна Москалева сделана почти без гротеска, она живая и настоящая...

— Мария Александровна — это громадный шаг в моей биографии. Знаете, как маленьких детей учат ходить? Вот и Иванов со мной сделал то же самое. Он снял с меня маску. У Москалевой моя походка, мой голос, мое лицо. Мне очень тяжело было на это согласиться. Я просто шла на провал. Хотя и понимала, что Иванов не позволит тебе быть голой на сцене, режиссерски со всех сторон прикроет. Но сути — мяса и крови — в этой роли ожидать не приходилось. И для меня стало полным открытием, что Мария Александровна как-то — раз, раз, раз — начала рождаться.

Я вообще очень зависима от режиссера. Потому что положила руку на сердце сама из себя мало что представляю. Я — пластилин. Мне очень важно, чтобы у Иванова хватало сил, здоровья, чтобы звезды встали над нами счастливым образом, и мы могли бы как можно дольше работать вместе. Он очень много мне дает. Ведь любимейший мною спектакль «За двумя зайцами», вся моя клоунада в роли Прони — это фактически наработки с детства. А Иванов сдирает с меня, как с капусты, листики, которые уже все додели, и получается докочерыжки...

— Что по-человечески роднит Марию Аронову с Марьей Александровной Москалевой?

— Темперамент. Одержимость.

— Вы такая деятельная?

— Я деятельная для других... И во мне тоже живет, пусть не стопроцентное, но заблуждение: я знаю, что нужно моему ребенку. Это связано с гипертрофированной любовью и животным страхом за чадо. Если бы была возможность в самые

Аронову знают практически все. Но знают по-разному. Кому катастрофически не повезло — по унылой рекламе чистящего порошка. Счастливицы и имели личную возможность посмотреть в вахтанговском «За двумя зайцами» в постановке Александра Горбаня, «Дядюшкин сон» Владимира Иванова и мирзоевский «Амфитрион». Почему «счастливицы»? Потому что зрительская судьба свела их с одной из наиталантливейших актрис современного российского театра. Кроме того, «Два зайца» существуют в телевизионной версии. Канал «Культура» предоставил достаточно обширную аудиторию возможность вдоволь нахототаться, а под занавес пролить хрустальную слезу по трагической женской судьбе Прони Прокоповны: ни смешными туалетами, ни клоунским носом не прикрыть живую боль, окружившую наивные голубые глаза Ароновой-Прони... Вахтанговцы уже открыли новый сезон, и Мария Аронова начала репетировать Екатерину Великую в «Царской охоте».

ответственные моменты приставить ему свою голову, чтобы он принял верное решение... Я не говорю, что я совсем уж Марья Александровна, но подобные мысли меня посещают. Есть порывы настаивать, повернуть по-своему, не учитывая личность. Кошачьи дела. Я с ними борюсь.

— Но ведь и история Прони Прокоповны наверняка имеет к вам прямое отношение. Иначе не щемило бы от нее зрительское сердце...

— Это, конечно, стопроцентно моя история. Проня любит, а ее предадут. Я не могу сказать, что меня так уж часто обижали мужчины. Трагические любовные отношения случились у меня лишь однажды. Я пошла не туда, куда мне следовало, и получила за это впоследствии очень много шишек.

Но так же, как Проня, я смеюсь женщины с мужчиной. И никогда — к своему ужасу — не смогу быть содержанкой. Я человек отдающий и ничего не требующий взамен. Кроме чувства, кроме эмоции, кроме верности, мне ничего не надо. Так было всю мою жизнь, и, я думаю, так же и останется.

— Смесь женщины с мужчиной — в какой пропорции?

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Маша, среди актрис-ровесниц вы чуть ли не единственная позиционируете себя на сцене как зрелую, умудренную жизнью женщину. Это сознательный расчет или природная predisposition?

— Конечно, это моя природа. Я никогда не играла в наивные игры, рано начала интересоваться мальчиками, рано примкнула к компании ребят старшего возраста, причем примкнула на равных, не в качестве «шестерки». Я всегда была старше своих лет — и внешне, и внутренне.

В 23 года я осталась абсолютно одна, с четырехлетним ребенком на руках и не понимала, как мне жить дальше. Конечно, был папа, на которого я всегда могла положиться, но папа женился, и не посмела лезть в его новую семью. Я осталась в двухкомнатной квартире, где гулял ветер по углам, а маленький мальчишкой, без мужа, без мамы. Это судьба, как я теперь понимаю. По-другому и быть не могло.

— Не устаеете все время быть взрослой?

— Я устаю быть чужой. Когда ты должен держать лицо и понимать, что твоя проблема никого больше не касается. Все эти ам-

риканские дела... У меня вообще нет ни зажимов, ни комплексов. Может быть, это связано с любовью, которой меня окружали в семье. Я не знала, что такое, когда тебя мама не любит, папа не любит, старший брат не любит. Я никогда не переживала по поводу собственной полноты. Некоторые журналисты сразу начинают с подковырок на эту тему... У меня были в детстве две мечты: похудеть и отрастить длинную косу. Но мечты — это не комплексы. Меня никогда не позорили, не ставили мне в упрек лишнюю слопанную булку. Мама всегда говорила: ты самая красивая.

Мои комплексы могут быть связаны только с нелюбовью. Я очень тяжело переношу конфликты и всегда первая иду на мировую: права я или не права. Всегда первая штукатурую дыру и наклеиваю новые обои. Единственное, что меня может убить, — это конфликт. То есть я выжила, и знаю, что выжила, но это окажется уже не та Маша Аронова. Был в моей жизни период — я вставала с утра и сразу начинала себя накручивать. И вдруг в какой-то момент у меня внутри все окаменело. Я смотрела в зеркало и сама себя не узнавала.

Поэтому для меня так важен мой муж. Он заменяет мне всех — маму, папу, друга, подругу, мужа, любовника... И справляется с этим непосильным трудом на пять с плюсом.

— Где вы нашли такого?

— У нас в театре. Он был начальником транспортного цеха, но когда мы поженились, ушел. Я тяжело заболела, а сыну надо было идти в школу, и Женя сказал, что он на год уходит с работы и будет заниматься ребенком. Он рискнул. Но я способна этот риск оценить по-настоящему. И я понимаю, что таких мужчин нет.

Года два назад мне казалось, что я не завишу от своей профессии, и, если понадобится семье, уйду из театра с легкостью. Прошло время, и я понимаю, что я подседа. Превратилась в наркоманку. В разгар работы я становлюсь чудовищем и громлю все вокруг себя. Без театра я уже не могу жить. А с театром — не представляю, как мне воспитывать сына. Я ничего не успеваю. И все сваливаю, даже тяжелую одежду. Сваливала на Женю прежде всего.

Меня очень это беспокоит. Это же очень удобно. И очень незамет-

но происходит. Появилась стеклянная стенка, которая заметна только мне. Женя даже не понимает, о чем я говорю...

Я никогда не могла заниматься двумя делами одновременно. Например, репетировать сразу в двух спектаклях. Может быть, мне отпущено ограниченное количество таланта, ограниченное количество энергии. Я очень тяжеловесна — не в плане моих внешних данных, а психологически.

— Вы и в жизни такая же, как на сцене, — уютная, спокойная?..

— Уютная — да. Большая, теплая, добрая, открытая, гостеприимная, хлебосольная. Но не спокойная. Я жуткий невралгик. Могу взорваться, выбрость, вывалить новости — хорошие они или плохие.

— Я не спрашиваю, почему вы согласились сниматься в рекламе: от денег еще никто не отказывался. Но вам не хотелось бы рекламировать что-нибудь более женственное?

— Я не могу это обсуждать. Подразумевается, что я уважаю людей, с которыми работаю, и товар, который рекламирую. Мне хорошо платят, мне ни разу не задержали гонорар, меня вытаскивали один раз из очень тяжелой ситуации — я пошла сниматься в программу, в которой, по договору, сниматься не могла, и, будь это другая компания, мне пришлось бы квартиру продать, чтобы выплатить штраф. Люди везде все сгладили, перед всеми за меня извинились... Я считаю, это дорогого стоит.

— Но ведь актерски ваша реклама не интересна.

— Актерски не интересна.

— И вообще, стоит ли серьезной актрисе преподносить себя народу в образе домохозяйки?

— Вы знаете, та популярность, которая у сегодняшнему моменту у меня сложилась, она ведь и строится на узнаваемости, на доступности. Меня останавливают на улице не как Марию Аронову, а потому что обзавались. Меня путают со знакомыми, с родственниками — значит, я родная. Это хорошо. Самое страшное в жизни, на мой взгляд, — подмсна. Понимаете? С такими ладонями нельзя говорить, будто во мне намешаны аристократические крои. Если я буду претендовать на другую узнаваемость, это будет ошибка с моей стороны.

Не надо на подобные вещи тратить. Тратиться есть смысл на

науку с пьесой, которая лежит сейчас у меня на столе. Я себя знаю: я максималистка. Стоит мне над чем-то задуматься, я горы сверну. Все мои силы уйдут в одну сторону. У меня был период в жизни, когда мне зверски хотелось зарабатывать деньги. Много денег. Чтобы я была богатым человеком, чтобы у меня было то, было другое... Банальная ситуация, с которой сталкивается чуть ли не каждый человек, во всяком случае каждая женщина. Но в конечном итоге я так устала даже от этих мыслей, не то что от каких-то действий...

Точно так же мне нельзя заниматься общественной деятельностью — я все вокруг разнесу. Уже был такой опыт — меня выбрали в худсовет... Выбрали и в шоке были после этого. Спасибо Михаилу Александровичу Ульянову, который с высоты своей доброты и мудрости ползунки мне напялил, памперсы поправил и подтолкнул в сторону сцены...

— Вы действительно испытываете такой шок перед Ульяновым?

— Перед Ульяновым, перед Юлией Константиновной Борисовой, перед Яковлевым. И очень хочу, чтобы этот шенячий восторг остался у меня как можно дольше. Я помню, как сидела дома, в городе Долгопрудном, в квартире, где я родилась, и звонил наш допотопный телефонный аппарат, и голос в трубке сказал: «Это Яковлев...». Года четыре назад представить, что Маньке Ароновой может позвонить Юрий Яковлев — это нереально...

— Вы не пытались критически взглянуть на то, что происходит у вас в театре?

— Знаете, будучи членом худсовета, я рубанула однажды правду-матку. Благо рассуждать очень просто. Как только я начала думать, что в театре не все в порядке, что вот это надо исправить, а вот с этим человеком жестко побеседовать — с моей позиции, из семидесяти шестой примерной... Я хорошо вышла из игры, никого не обидела, но восстановилась потом несколько лет.

— И вы еще считаете себя похожей на Москалеву?

— Москалева — одержимая мать, а не общественный деятель, и эта тема мне очень понятна. Так же, как сейчас, репетируя «Царскую охоту», мне очень важно переложить политические куски на человеческие отношения, тогда я все пойму и наполовину роль собственной крови.

— У вас есть актерские мечты?

— Нет. И никогда не было. Даже неслучно: читаю пьесы, и у меня ничего не окает. Мне кажется, я по своей психологии солдат. Я комфортно чувствую себя в армии, когда есть начальник, есть конкретное задание. Если армия развалится, я ничего не смогу сделать сама. Конечно, трудно самой себе признаться, что ты птица невысокого полета...

— Маш, есть надежда, что вы когда-нибудь перестанете попусту скромничать?

— А разве я скромничаю? Я просто показываю того зайца, который живет у меня внутри. Убить его практически невозможно. А откуда он взялся, я не знаю. Может быть, из школы, где меня пытались все время через коленку перелопачивать, чего я очень опасалась в жизни своего сына... Я смотрю на Олегу Меньшикову и завидую легкой завистью: человек ушел из театра, создал свое дело, решил ставить. Для меня это не реально. Не представляю, чтобы я ушла из Театра Вахтангова.

— А уж самой оставить спектакль...

— Совершенно невозможно! Может, конечно, так случиться, не дай Бог, что жизнь меня сильно побьет, и я перемешаю. Говорила же я когда-то, что не смогу жить без мамы, но ведь живу... Человек, ежесекундно ожидающий приказа, — это мое нынешнее состояние.

— Что на вас действует поощряюще: хвалебные рецензии, письма поклонников, мнение коллег?

— И то, и другое, и пятое, и десятое. В первую очередь свое собственное ощущение. Очень важно мнение Иванова, мнение старших. Конечно, цветы, аплодисменты — мне они нравятся, я просто завишу от них, я тщеславный человек.

— Почему вы так мало заняты в антрепризах?

— Любая роль, которую я делаю, — это муки ада. Я очень тяжело, катастрофически тяжело репети-

рую. Я дико боюсь материала. С завистью смотрю на актеров, которые жадно хватаются за пьесу, хотят, любят. Я ненавижу материал. Я боюсь его, он меня уничтожает, накрывает медным тазом. Поэтому я не могу работать в антрепризах, мне нужен «папа» вроде Иванова...

— Стоит ли работа таких страданий?

— Но они же в конечном итоге окупаются. У меня ничего легко не бывает. Если я что-то прошу, мне обязательно это дают. Только дают с приставкой «но». Хочешь ребенка? Пожалуйста, но... И рождается такой Владик, сменивший четыре дтсада, две школы... Хочешь быть артисткой? Будь, но...

— Но что?

— Но ты не мотылек, а здоровущая лошадь, и ты впряжена в телегу проблем, непониманий, страхов. Хочешь денег? Возьми, но — ты будешь зарабатывать их не большим кино, а сериалами и рекламой, и каждый журналист у тебя спросит: «Маша, а вам не кажется, что с вашим талантом вы не имеете на это право?». Почему это происходит, Бог знает...

— Кстати, о кино. На экраны выходит новый фильм с вашим участием — «Все, что ты любишь»...

— Я с теплотой вспоминаю эту работу, потому что мы очень подружились — Марина Могилевская, я, Нелли Селезнева. Собирались втроем, хохотали...

— Для вас отношения важнее конечного результата?

— Честно говоря, фильм целиком я не видела, только куски на озвучке... Мне хочется серьезной работы в кино. Но она не приходит. Это грустная тема. Я пытаюсь заниматься самообманом и говорю себе, что сейчас вся моя энергия должна быть направлена на работу в театре, но полагаю руку на сердце меня это мучает. И я не думаю, что здесь только моя вина. То есть я имею в виду никого конкретно: это не связано с людьми, это связано с судьбой.

— Какую роль в вашей жизни играют сериалы?

— Сериалы — это заработок. Если бы у меня была возможность сидеть и выбирать, наверное, я бегала бы себя для большого кино. Но у меня такой возможности нет. Я родила человека, которого мне нужно содержать, которому мне надо сделать жизнь...
— Вам исполнилось тридцать. С какой системой жизненных ценностей вы подошли к этому рубежу?

— Честно говоря, есть ощущение, что у меня внутри какая-то книга ценностей заканчивается. То что будет в новой, я не знаю и очень боюсь. Мне вообще сейчас тревожно. Так угнетают новости... Самолеты падают, вертолеты, каждый день людей убивают... Я не могу от этого отвлечься. У меня жуткая депрессия, ощущение конца. Как перед экзаменом по геометрии в школе, у меня стоял кол вот здесь, вдоль пищевода, так он и сейчас стоит. Мне бы не хотелось думать, что это предвещание. Я пытаюсь объяснить свое состояние тем, что репетирую сейчас царственную особу, женщину, которая должна была думать о сорока миллионах подданных...

— А вы можете вообразить, что в реальности должны заботиться о сорока миллионах? Или о ста пятидесяти?

— Представить могу. Мне всегда хотелось быть...

— Президентом.

— Да, типа того. В школе я была секретарем комсомольской организации. А потом меня со скандалом выгнали из комсомола за то, что я спорила с партгором и доказывала, что грудастые девочки-десятиклассницы уже не могут принимать участия в конкурсе строя и песни... Выгнали за хулиганство...

— Чего вам по-настоящему хочется?

— Независимости.

— Моральной или материальной?

— Моральной. Я очень завишу от того, как поздоровались, как улыбнулись, как посмотрели. Меня легко съест. Я никогда не хожу — ни на какие сборища, ни на какие тусовки. А когда ходила — плакала по ночам. Безо всякой причины. Все нормально, меня никто не обидел, никто грубого слова не сказал, а я опустошенная, как будто из меня все соки вытянули. Мое любимое время — когда гости уходят, вокруг горы грязной посуды, и я восстанавливаю дом: чашку сюда, тарелку туда. И себя собираю, собираю по частям...